



VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Архимандрит Платон (Игумнов)

(МДА)

ЯЗЫК МОРАЛИ И ЭТИКИ

Начиная с Людвиг Витгенштейна (1889-1951), сформулировавшего принципы лингвистической философии, и с Джорджа Эдуарда Мура (1873-1958), открывшего в этике эпоху логико-лингвистического анализа, проблема языка морали приобрела значение одного из ключевых направлений в этических исследованиях в XX в. «Было бы несомненным преувеличением утверждать, что в аналитической философии именно этике уделяется первостепенное внимание. Но так случилось, что ряд самых значительных монографий аналитиков начинается с книги об этике. Имеется в виду исследование Дж. Мура (1873-1958) «Принципы этики» (1903), отмеченное, как считают многие аналитики, печатью величия. Как раз с книги Мура начинается аналитическая этика» (Канке В.А. Этика ответственности. М., 2003.С.133).

Представители аналитической философии выступают за прозрачность и ясность языка, способного открыть «наизначальнейший смысл наиболее простых слов, неискаженных позднейшей терминологией» (Йонас Г. Принцип ответственности. М., 2004. С.21). В аналитической философии была предпринята попытка реконструкции языка как системы, «которая весьма сложным образом осуществляет посредничество между миром значений и миром звуков» (Уоллес Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975. С.27), поскольку «лингвисты часто прибегают к словам, выражениям и формулировкам, которые кажутся старыми и общеизвестными» (Будагов Р.А. Человек и его язык. Изд. МГУ. 1976.С.31), в то время как «в действительности их сущность нередко оказывается нераскрытой» (Там же. С.31). Опасность таится «в подмене ходячими выражениями существа дела» (Бохенский Ю.М. Современная европейская философия. М., 2000. С.142), в неопределенности, «в двусмысленности, когда невозможно уже определить, что раскрыто, а что нет» (Там же. С.142). Согласно Ф. Шлейермахеру, «всё нуждается в уточнении» (Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.С.73), слово языка «уточняется только в контексте» (Там же.С.73). Язык философии – «слово, открытие бытия вещей в полной обнаженности и прозрачности речи, слово о бытии» (Ортега и Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С.107). В языке этика стремится быть «произнесенной тайной» (Там же.С.107). «Недоступная разгадка тайны слова есть тайна самого непостижимого как такового» (Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М., 1990. С.477).

Согласно Витгенштейну, проблема языка заключается в том, что «предмет» этических и религиозных высказываний «трансцендентен», а «мы пытаемся их строить по правилам логического языка анализа фактов» (М.С. Козлова. «Лекция об этике»// Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.235). Этика должна говорить о том, что относится к области абсолютного, изначального, доброго, ценного, вечного. «Пытаться писать или говорить об этике или религии – значит стремиться вырваться за границы языка» (Там же. С.235). Если наука описывает

действительность, а этика предписывает отношение к действительности, выражающееся в способности «отозваться на бытие» (Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 255), то из этого факта следует, что этика имеет свой язык. «Об этике нельзя говорить на языке науки, утверждал Витгенштейн... Этику демонстрируют и удостоверяют как налично существующую форму жизни. Именно это важно для нас: делать этические утверждения – значит «кидаться на языковые ограничения». Но это столкновение вытекает из «потребности человеческой души, которую лично я не могу не уважать и никогда не позволил бы другим высмеивать её», - писал Витгенштейн в «Лекции по этике» (1934)» (Реале Дж. и Антисери Д. *Западная философия от истоков до наших дней*. СПб., 1997. С.480). В языке морали и этики открывается таинственная глубина человеческого духа. «Решение загадки жизни в пространстве и во времени лежит вне пространства и времени» (Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. Цит. по: Грязнов А.Ф. «Логико-философский трактат// Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 239). Витгенштейн говорит о логической непостижимости религиозных и эτικο-эстетических категорий, относя их к области метафизических понятий, т.е. к тому, «о чем невозможно говорить», и высоко ценит попытки «выхода» за пределы языка, за пределы мира и имманентности, за которыми открывается «невыразимое» (Там же. С.239). Сокровенный метафизический смысл всякого нравственного понятия воплощается в слове. «В слове обретает голос сама реальность - самонепостижимое» (Франк С.Л. *Непостижимое*. Сочинения. М., 1990. С. 477). Оставаясь по эту сторону тайны, язык моральных понятий конструирует этику как систему концептов, употребление которых предполагает адекватное отношение к слову: «слово есть откровение – и притом по самому своему существу» (Там же. С.477).

Слово по природе своей активно. В слове заключена «энергия мысли и осмысляющая сила» (Лосев А.Ф. *Бытие. Имя. Космос*. М., 1993. С.831), «в слове живет и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель» (Филарет, свт. (Дроздов). *Избранные труды, письма, воспоминания*. М., 2003. С. 70). Обращенность к анализу языка морали, к выявлению логического смысла этических терминов ознаменовала собой рождение метаэтики, основателем которой является Дж.Э.Мур. «Этика понимается им как особый язык с присущей ему логикой, анализ которого открывает ему доступ к научному, ясному пониманию моральных чувств, мотивов, поступков. Метаэтика выступает как язык, который необходим для интерпретации содержания объективного языка морали» (Канке В.А. *Этика ответственности*. М., 2003. С.136).

С чего начинается этика? Что такое добро? Что обозначается словом «добро»? Если этика, как считает Мур, есть наука о добре, эти вопросы приобретают первостепенную значимость. Итак, что именно обозначается словом «добро»? «В поиске ответа на последний вопрос Мур крайне осторожен, он отлично сознает, что малейшая ошибка в характеристике добра чревата искажением существа всей этики, ведь речь идет об основополагающем её концепте» (Там же. С.133). Суть проблемы, согласно Муру, «состоит в том, что «добро» является понятием, от которого зависит вся этика» (Мур Дж.Э. *Природа моральной философии*. М., 1999. С.155). Задачей этики Мур считает осуществление нравственного добра «в универсуме» (Там же. С.160), что согласно Хайдеггеру, «значит действительно действовать, если действием зовется со-действие существу бытия» (Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С.254). В языке человек открывает свою нравственную сущность, «язык ничего не утаивает» (Канке В.А. *Этика ответственности*. М., 2003. С.131). «Язык мостит первые пути и подступы для всякой воли и мысли. Без слова любому действию не хватает того измерения, в котором оно могло бы найти себя и оказать воздействие. Язык никогда не есть просто выражение мысли, чувства и

желания. Язык – то исходное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежать бытию» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.254-255). По мысли архимандрита Киприана (Керна), человек есть «ответ» на зиждительное Слово, (Киприан, архим. Антропология св. Григория Паламы. Париж. 1950. С.427), должен «отозваться» (Там же. С.427), должен «ответить своим бытием... всей полнотой своей человечности» (Там же. С.427). призывающее его к миссии бытия. «Язык, по Гумбольдту, - дар, доставшийся народу как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия» (Иванов В. Родное и Вселенское. М., 1994. С. 396).

Анализ языка морали стал в XX в. одним из главных направлений метаэтики – области исследований, предметом которых является лингвистический анализ нравственных норм. В Кембридже и Оксфорде анализ этико-нравственного языка получил отражение в трех фундаментальных направлениях метаэтической рефлексии: интуиционизме, эмотивизме и прескриптивизме (Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб..1997.С.481). Самыми известными представителями интуиционизма в западно-европейской этике являются Дж. Мур и его последователи – Г.А. Причард и В.Д. Росс (Там же. С.481), развенчавшие парадигму традиционной европейской теории морали, объявив её «натуралистической ошибкой» старой этики и инкриминировав ей отсутствие интуитивного понимания языка морали. Как в метаэтике, так и в металингвистике «отсутствие интуитивного понимания сказывается даже тогда, когда мы формулируем грамматические или фонологические правила языка» (Леви-Строс. Структурная антропология. М., 1983. С.54). Наряду с мышлением и эмоцией интуиция является одной из функций души. В познавательном плане «интуиция – это ни чувство, ни вдохновение, ни неупорядоченная симпатия, а вполне развитый метод» (Делез Ж. Эмпиризм и субъективность. М., 2001. С. 229); «интуиция не есть только восприятие, только созерцание, но активный творческий процесс» (Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 510). Поэтому не следует думать, что интуиция является «противоположной альтернативой понимания» (Мур. Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 229). Мур заявляет, что «ничто не может заменить причин, согласно которым суждения истинны; интуиция может только стать причиной считать какое-то суждение истинным и должна это делать, когда суждение является самоочевидным, когда фактически не существует никаких причин, подтверждающих его истинность» (Там же. С.229).

Свящ. Павел Флоренский утверждает, что «суждение, данное непосредственно, есть само-очевидная интуиция» (Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М.,1914. С.24), хотя и отмечает, что у всех видов интуиции есть «один общий их недостаток; это – голая их данность» (Там же. С.25), делающая знание ограниченным условным суждением по типу целого ряда тождественных утверждений. В качестве примера таких тождественных утверждений он приводит суждения старушки-служанки. Павел Александрович спрашивает её: «Что такое солнце?» Она отвечает: «Солнышко». Он: «Нет, что это такое?» Она: «Солнце и есть». Он: «А почему оно светит?» Она: «Да, так; солнце и есть солнце, потому и светит. Светит и светит. Посмотри, вон какое солнышко...» (Там же.С.26). Самоочевидная интуиция не выходит из замкнутого круга тождественных суждений. Погружаясь в стихию лингвистического дискурса языка морали, Мур, подобно старушке-служанке, приходит к выводам, которые способны разочаровать наши притязания на адекватное и сущностное постижение глубинного смысла этических терминов. «На вопрос «Что такое добро? – я скажу, что добро – это добро, и это весь мой ответ. На вопрос же: «Как следует определять добро? – я отвечаю, что это понятие не может быть определено, и это всё, что я могу сказать о нём» (Мур Дж.Э.

Природа моральной философии. М., 1999. С.44). Интерпретируя это высказывание Дж. Мура, следовало бы указать, что понятие добра, выраженное в слове «добро», включает в себе силу нравственного авторитета и «требует от нас признания и усвоения» (Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 114); «его язык – особый язык» (Там же. С.114), язык, который М.М. Бахтин склонен называть священным, иератическим (Там же. С.114). Слово обладает авторитетом, тайна которого связана с тайной его происхождения. Своим авторитетом слово обязано благородству своего происхождения. Авторитет слова, обозначающего нравственное понятие признается высоким сам по себе, а priori. «Авторитетное слово может организовать вокруг себя массы иных слов (интерпретирующих его, восхваляющих его, делающих из него те или иные применения и т.п.) но не сливается с ними» (Там же. С.115). Обычно то, что «мыслится в самом по себе слове» (Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С.73), называется «значением», а то, что «мыслится в данном контексте – смыслом» (Там же. С.73). в любом контексте «ко всякому изолированному слову мы продумываем определенный набор способов его употребления» (Там же. С.73). В этом плане «язык...является собранием наглядностей» (Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 105). Согласно Муру, все суждения о добре являются синтетическими, когда например, понятия добра отождествляется с понятием желаемого блага, и никогда не являются аналитическими, поскольку понятие добра является предельно простым и неделимым понятием. «Моя точка зрения, - заявляет Мур, - состоит в том, что «добро» - такое же простое понятие, как и понятие «желтое», что как невозможно кому-либо, кто еще не знает, что такое «желтое», объяснить, что это такое, так невозможно в аналогичной ситуации объяснить, что такое «добро». Дефиниции такого рода, о которых я веду речь, то есть дефиниции, которые описывают действительную сущность предмета или понятия, обозначают словом, а не просто говорят нам, что это слово обычно означает, возможны только тогда, когда предмет или понятие, о котом идет речь, являются чем-то сложным» (Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М., 1999. С.44). Взятое в своем абсолютном значении, отрешенном от экзистенциального и психологического контекста, понятие «добро», согласно Муру, неопределимо, «ибо оно – простое понятие, не имеющее частей и принадлежащее к тем бесчисленным объектам мышления, которые сами не поддаются дефиниции, потому что являются неразложимыми крайними терминами, ссылка на которые и лежит в основе всякой дефиниции» (Там же. С.46). Мур полагает, что если «добро», не будучи «в собственном смысле каким-то естественным предметом» (Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М., 1999. С.49-50), смешивается «с любым естественным предметом» (Там же С.50), тогда есть основания называть это смешение «натуралистической ошибкой» (Там же С.50). При этом всякая дефиниция, даже, как отмечает К.Г. Юнг, «любое ограничение выделенным в данный момент смыслом оказывается недостаточным для того, чтобы полностью помешать многозначительной переливчатости слова» (Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С.272). И эта свойственная этическим терминам «многозначительная переливчатость» есть ничто иное, как «парализующая земная тяжесть мысли, трагическое препятствие для всех, кто надеется при помощи лестницы из слов достичь высот чистых идей, избавленных от всего земного» (Там же С.272). Если, согласно Дж.Муру, добро есть добро, то это значит, что термином «добро» отрицается всё, что не есть добро. В силу этого «трансцендирующего...значения отрицания» (Франк С.Л. Сочинения. М., 1950. С. 517) становится возможным вслед за С.Л. Франком утверждать, что постижение смысла слова есть стремление рационализировать «трансрациональное» (Там же. С.518). «Рациональная мысль... действует как взрывчатое вещество. Древнейшие авторитеты теряют свою значимость» (Йегер В. Пайдейя. Т. I. ГЛК Ю.А. Шиталина. М., 2001. С. 198). Критика Мура, поставившего под сомнение этические воззрения своих

предшественников, «означала прежде всего падение престижа позитивистского утилитаризма» (Нарский И.С., Коновалова Л.В. Дж. Мур как философ и основоположник новейшей английской этики// Дж. Мур. Принципы этики. М., 1984. С. 7). В этом отношении «подобная критика была полезной» (Там же.С.7) Однако понимая, что в его «умеренном» скептицизме «серьёзно пострадало и понимание ценностей, и истолкование фактов» (Там же.С.8), он в своей «Этике» (1912) «предпринял попытку проложить интуитивный мостик от теории к нормам, призванным регулировать взгляды и поступки людей, - мостик получился зыбкий, крайне ненадежный» (Там же. С.8). Мораль, основанная на интуиции, «не интеллектуальна и не чувствительна» (Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 513-514); это особая мораль, имеющая своим основанием «верность своему созерцанию и добровольное подчинение его власти» (Там же.С.514). Конструктивный элемент в нравственной философии Мура оказался гораздо скромнее её критического деструктивного начала. С именем Дж. Мура связываются «революция» в истории новейшей этики и переоценка направленности философских интересов в английских университетах. «Взгляд на ценности как свойства самих вещей Мур называет натуралистическим заблуждением. Но, лишённые объективного аспекта, они становятся неуловимыми, попадая в пустоту, поскольку интуиционизм решительно выводит этику в иную плоскость, нежели наука» (Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997.С.481). Вместе с тем «агностик» Мур отошел и от традиционной христианской западно-европейской этики, в которой воплощение идеи блага всегда связывалась с «актуализацией самого глубинного центра любого нравственного добра» (Гильденбранд Д. Этика. СПб., 2001.С.438). С целью коррекции метода логико-лингвистического анализа У. Стивенсон в книге «Этика и язык» (1944) предложил «прояснить смысл этических терминов «благо», «правильно», «справедливо», «должно» и т.п., а затем указать общие методы для проверки этических суждений» (Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.1997.С.481). Стивенсон явился представителем второго фундаментального направления метаэтической рефлексии – эмотивизма. Метаэтика выяснила, что «этические термины – носители двойного смысла: дескриптивного и эмотивного» (Там же.С.481), что «моральные суждения принимают роль рекомендаций в плане одобрения или неодобрения...» (Там же.С.481).

Согласно дескриптивному (от лат. describe – описываю, изображаю), т.е. когнитивистскому, (от лат. cognitio – познание, узнавание) методу, моральные термины и суждения описывает «добро само по себе» как некоторую метафизическую реальность. Во-вторых, они описывают нравственные качества людей и их поступков. В-третьих, они описывают особые состояния человеческой души, которые сами по себе не являются моральными, а выражают определенные стремления людей к достижению конкретных целей, например, комфорта, выгоды или общественной пользы (Максимов Л.В. Язык морали// Этика.М.,2001.С.604). В понимании Мура, «этика-когнитивная, но вместе с тем и интуиционистская наука» (Канке В.А. Этика нравственности. М., 2003. С. 134). Если добро есть неопределенное понятие, оно, вопреки его натуралистической интерпретации, названной Муром «натуралистической ошибкой», квалифицируется как метафизическая категория и является предметом рассмотрения с точки зрения интуиционизма. Но «интуиционизм не противостоит так называемому когнитивизму» (Там же.С.134), когнитивистскому, т.е. дескриптивному методу. В отличие от когнитивизма, сторонники антикогнитивистского подхода к проблеме языка морали полагают, что моральные слова и суждения ничего не описывают, а обладают либо эмотивным, либо прескриптивным, (от лат. praescribo – предписываю, определяю) т.е. нормативным (от лат. norma – норма, правило, образец) значением. Согласно методологической установке антикогнитивистов, моральные суждения выражают

либо специфическое нравственное чувство одобрения, когда обладают эмотивным значением, либо выражают характер универсальности и безусловной необходимости моральных предписаний, когда обладают прескриптивным, т.е. нормативным значением (Максимов Л.В. Язык морали// Этика.М.,2001.С.2001.С.604).

В истории английской нравственной философии эмотивизм (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) обязан своим появлением Альфреду Айеру (1910 - 1989), автору книги «Язык, истина и логика» (1936) (Канке В.А. Этика ответственности. М., 2003.С.138). Айер доказывал, что этические суждения несводимы к утверждениям о фактах. Он критиковал «субъективистов», определявших этические ценности в терминах одобрения, и «утилитаристов», сводивших ценности к эмоциональным переживаниям восторга, счастья и радости (Там же.С.138). Согласно Айеру этические утверждения следует считать лишь выражением чувств, а не самими чувствами. Эмотивизм был очень популярен вплоть до середины XX века (Там же.С.139). Но и эмотивизм, как и интуиционизм, не смог избежать противоречий: эмотивизму не удалось выявить «отличительную характеристику морального дискурса» (Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. С. 482). Недостатки эмотивизма пытался преодолеть Р.М. Херр, доказывавший в своей работе «Язык морали» (1952), что «нормы суть предписания» (Там же. С. 492).

Интенсивные исследования, проводившиеся в прошлом веке в области языка морали составили одно из направлений в изучении феномена нравственного сознания. Метаэтика использовала методы и достижения аналитической философии, способствовала прояснению моральных понятий и уточнению смысла ключевых этических терминов, содействовала развитию теоретического уровня современной этики (Максимов Л.В. Язык морали// Этика.М.,2001.С.603). Аналитическая этика выступила с критикой натурализма в его основных проявлениях, включающих гедонизм и особенно утилитаризм, представлявший собой «визитную карточку британской философии XIX века» (Канке В.А. Этика ответственности. М., 2003.С.135). Философско-лингвистический метод позволил открыть, описать и прояснить природу морали в её логической отрешенности от феноменологического контекста, - в её глубинной метафизической сущности, в её потаенном и сокровенном ноуменальном значении. Во всем ансамбле этических концептов каждый термин есть ничто иное, как познанная природа морали, как «значение», дающее «просвещение» в принадлежащей человеку привилегии «различать... добро и зло» (Афанасий Великий, свт. Творения. Т.IV.,1994. С.109).